

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ПАМЯТИ ЧЕХОВА

**Николай Георгиевич Гарин-
Михайловский
Памяти Чехова**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25252237

Аннотация

Воспоминания Николая Георгиевича Гарина (беллетриста) о встречах с Антоном Павловичем Чеховым.

Николай Гарин- Михайловский Памяти Чехова

Антон Павлович Чехов не отвечал на вопрос: каким должен быть человек? Но отвечал: каков при данных обстоятельствах человек.

Он – гениальный автор хмурых, безыдейных, беспринципных людей, таковых, какими они существуют, без малейшей фальши его резца.

Тонкого, исключительного в мире резца.

Антон Павлович – творец маленького рассказа, самого трудного из всех.

И пока такие рассказы получили права гражданства, он долго носил их в своем портфеле.

В прошлом году я производил изыскания в Крыму; со мной вместе работал брат жены Антона Павловича – К.Л. Книппер, и я ближе познакомился с А.П. и его семьей.

Удивительный это был человек по отзывчивости и жизнерадостности. Он давно недомогал, скрипел. Но всего этого он как-то не замечал. Все его интересовало, кроме болезни.

Пытливость, масса юмора и веры в жизнь.

Смотришь на него, слушаешь, и сердце тоскливо сжимается, зачем такое ценное содержание заключено в такой

хрупкий сосуд.

А он, спокойный, ясный, расспрашивает, говорит – странное сочетание мудреца и юноши.

В прошлом году шел его «Вишневый сад», и мы праздновали 25-летний юбилей А.П.

Праздновали, не произнося слова «юбилей».

Двадцать пять лет назад впервые выступил А.П. в 78 году в «Стрекозе» под псевдонимом «Человек без селезенки».

И вот через двадцать пять лет он стоял на сцене Художественного театра – любимейший писатель русского общества. Только его мы и видели, хотя и театр и сцена были переполнены.

Такой же, как и всегда, в пиджаке, худой, немного сгорбленный, умными, ясными глазами он смотрел, наклоняя голову, как бы говоря:

«Да, да, я вас знаю».

Заманивали мы его и в Петербург, он обещал, но не приехал.

Вскоре после этого текущие события ураганом охватили русское общество, и даже смерть Н.К. Михайловского прошла, сравнительно для времени, бесследно.

В последний раз я виделся с А.П. в апреле этого года в Крыму, на его даче в Ялте.

Он выглядел очень хорошо, и меньше всего можно было думать, что опасность так близка.

– Вы знаете, что я делаю? – весело встретил он меня. – В

эту записную книжку я больше десяти лет заносу все свои заметки, впечатления. Карандаш стал стираться, и вот я решил навести чернилом: как видите, уже кончаю.

Он добродушно похлопал по книжке и сказал:

– Листов на пятьсот еще неиспользованного материала. Лет на пять работы. Если напишу, семья останется обеспеченной.

Все его сочинения купил, как известно, Маркс, за 75 тысяч рублей.

А.П. выстроил на эти деньги дачу, на которую надо было еще каждый год тратить.

Жить приходилось, считая каждую копейку.

В Москве квартира на третьем этаже, без подъемной машины.

Полчаса надо было ему, чтобы взобраться к себе. Он снимал шубу, делал два шага, останавливался и дышал, дышал.

Если бы у него были средства, он жил бы долго и успел бы передать людям те сокровища, которые унес теперь с собой в могилу.

Сенкевичу его общество поднесло имение, обставило его старость.

Нашему гению мы ничего не дали.

А.П., провожая меня, очень серьезно уверял, что непременно приедет в Маньчжурию.

– Поеду за границу, а потом к вам. Непременно приеду. Горький, Елпатьевский, Чириков, Скиталец только говорят,

что приедут, а я приеду.

И он с задорным упрямством детей, которым старшие не позволяют, твердил:

– Непременно приеду, приеду.

Нет, не было тогда у меня предчувствий, что я смотрел на него в последний раз.

Ляоян, 16 июля.